

Я постучал по меньшему из двух символов.

— Иногда знание субъективно, это то, что я называю «малым знанием» или «маленькими истинами». Например, кто ты, как ты относишься к людям, каковы твои взгляды... Это личное знание, которое приходит от чувств, — я постучал себя по груди, затем по голове. — Тогда как есть и «большое знание». Это такая вещь, которая объясняет, как устроен мир, как функционирует чакра, с какой скоростью что-то упадет, если это уронить. Это объективные истины, им все равно, как вы к ним относитесь. Малые знания, знания о себе, своих друзьях и семье, врагах и союзниках могут измениться по мере того, как меняется человек. Большие знания, большие истины не изменятся. Иногда можно применить одну большую истину, чтобы исказить другую, но как только действие прекращается, все возвращается на круги своя, ясно?

Видя по их лицам, что они понимают лишь наполовину, я привел пример.

— Вода течет вниз по склону, вы все это знаете, верно? — они кивнули. — Если я использую технику, чтобы направить поток вверх по склону, как только техника закончится, вода просто потечет обратно вниз по склону, верно?

Теперь в их глазах начали загораться огоньки.

— Я воспользовался своими знаниями о работе чакры, частью большого знания, чтобы изменить другую часть большого знания. Можно назвать их законами или правилами. Не такими, как у Хокаге или Дайме, но они диктуют, как функционирует мир, точно так же, как законы Хокаге говорят ниндзя, что они могут и не могут делать, или правила Дайме говорят гражданским и самураям, что они могут и не могут делать.

Рука Наруко взлетела вверх, и я внутренне вздохнул, указывая на нее своей палкой.

— Какое отношение это имеет к технике клонирования, сенсей?

Я уставился на нее с невозмутимым лицом.

— Я дойду до этого, — пообещал я, вернулся к своей простой схеме и указал на нее. — Знания, истины, законы... как бы вы их ни называли, все они происходят из трех разных источников. Первый и наиболее распространенный в нашем мире — это знания, полученные от предков. Это традиция. — Я указал на Тентен, затем на Якумо и, наконец, на Сацуки. — Человек или книга, которые передают знания, полученные от кого-то раньше, опираются на традиционные знания.

Все четверо серьезно кивнули, они выглядели задумчивыми.

— Второе — это знание через озарение, — заявил я, проводя линию от символов к краю костра. — Иногда люди долго и упорно думают о чем-то или просто оказываются в нужном месте в нужное время, чтобы их осенила правильная идея, — я коротко указал на Наруко, которая приосанилась от внимания, — и у них внезапно появляется понимание того, о чем они думали. Это знание, которое возникает благодаря связи с Чистым Миром.

Для пущей убедительности я снова указал на огонь.

— Каким образом? — спросила Сацуки, потиравшая подбородок, разглядывая мой рисунок, и подняла глаза на меня.

Я кивнул, принимая вопрос.

— У всех нас есть связь с Чистым Миром. Это место, откуда мы пришли, когда родились, это место, куда мы вернемся, когда умрем, и это место, где наши души будут проходить цикл реинкарнации между жизнями. При правильных условиях искра вдохновения может излиться из него в вас, и вы внезапно осознаете крупицу знания, которую раньше не понимали.

Конечно, в моей прошлой жизни большинство западных религий в древности и средневековье обычно считали, что оно исходит от «Бога» или, по крайней мере, «Небес», но...

— Значит, когда кто-то получает откровение из Чистого Мира, — размышляла вслух Якумо, — а затем передает его кому-то другому, оно превращается из знания по озарению в знание по традиции?

Я широко улыбнулся.

— Правильно. Очень проникательно, Якумо.

Сацуки насупилась от похвалы, предназначенной не ей, но сразу отвлеклась на слова следующей девушки.

А что за третий тип? — потрянув головой, спросила Тентен. — Я имею в виду, третий способ получить знания?

Я ухмыльнулся.

— Эксперимент, — для пущего эффекта я сделал паузу, на их лицах снова появилось озадаченное выражение. — Эксперимент — самая мощная форма получения знаний, потому что, если сделать все правильно, они гарантированно будут истиной.

Потому что, если Сацуки по какой-то причине все-таки станет предательницей, она хотя бы научит Оричимару кое-чему об экспериментальной процедуре! По крайней мере, теперь методология этого сумасшедшего будет хоть сколько-то разумна.

— А другие — нет? — спросила Наруко, способная задавать только самые очевидные вопросов.

Я поднял бровь.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то говорил что-то, что считал правдой, но это было не так? Или просто откровенно лгал? Я откинулся назад и изобразил сплетника, который наклонился к воображаемому собеседнику. — «Ты знал, что есть простой способ овладеть любым дзюцу? Тебе просто нужно три дня стоять на голове, думая об этом, но никто не смог!»

Раздалось несколько удивленных смешков, и я кивнул.

— Вы можете проверить знание, которое вам кто-то сообщил или которое вы обнаружили сами, и я собираюсь научить вас.

— С помощью техники клонирования! — широко улыбаясь, догадалась Наруко.

— Обучая тебя технике клонирования другим способом, — твердо заявил я. — Потому что предполагается, что это самая простая техника, и поэтому ее легко выполнить. Однако у тебя так много чакры, и она такая плотная, что я хочу попробовать новый способ овладения техникой, потому что, в отличие от тебя, у большинства студентов академии нет в резерве огромных запасов энергии. Все остальные говорят, что нужно использовать традиционные

знания, чтобы изучить технику, но мы собираемся поэкспериментировать и посмотреть, сможем ли мы сделать это проще.

— Просто скажи мне, что делать, и я все сделаю, поверь! — воскликнула Наруко, энергично вскакивая на ноги.

— То, сколько стоит техника относительно чакры, определяется тем, используется ли длинная форма печатей, короткая, которой большинство из вас учат, и есть ли письменная схема техники, которая будет полезна — объяснял я, бродя вокруг Наруко и размышляя вслух. — Большинству людей приходится выполнить короткую форму бесчисленное количество раз, пока, после долгих тренировок, она не закрепится в их чакре, подобно мышечной памяти для упражнений. Это ускоряет выполнение техники, но повышает стоимость, потому что снижает точность контроля чакры. Скорость, мощность, контроль — выбери два пункта.

Другие девушки наблюдали за нами, а Наруко снова кивнула, хотя я задавался вопросом, действительно ли она поняла, что я сейчас говорю.

— Однако, у тебя так много чакры, что нам нужно сделать технику клонирования более дорогой, а не менее. Если моя теория верна, ты сможешь создать клона, если мы просто увеличим стоимость техники до такой степени, чтобы ты не перегружала ее из-за отсутствия контроля над чакрой, — Наруко вздрогнула от моего заявления, но через мгновение лицо ее приняло твердое выражение. — Итак, то, что ты должна делать, это не пытаться направить чакру на эту технику. Не сосредотачивайся на ней, не думай о печатях, ни о чем таком. Когда я скажу, ты просто сложишь руки в последней печати техники, как будто ты джоунин, который занимался этим всю свою жизнь, и произнесешь — не выкрикнешь — технику клонирования.

Наруко глубоко вздохнула.

— Хорошо, думаю, я смогу это сделать.

— Не думай, — повторил я. — И не старайся ничего сделать. Просто... пусть оно произойдет само.

Несомненно, ей придется об этом подумать, но попытки не думать могут сделать технику еще более сложной, дорогой и... Если, конечно то, что я усвоил из Ниншуу, соответствовало истине...

Я положил руку на плечо Наруко, сосредоточившись на духовной связи между нами. Даже если она была восходящим солнцем рядом с моим огоньком, я все равно мог...

— Давай!

Наруко выдохнула, спокойно подняла руки и сделала последнюю печать техники клонирования.

— Буншин но Дзюцу.

Мир вокруг нас взорвался оранжевым.